

МЕЖДУНАРОДНАЯ МОНАШЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
СВЯТООТЕЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В СВЕТЕ АФОНСКИХ ТРАДИЦИЙ:
ДУХОВНОЕ РУКОВОДСТВО

Екатеринбург, 27–29 мая 2016 года

АРХИМАНДРИТ АНТИПА,
старец келии святой Анны монастыря Иверон,
Святая Гора Афон

Образ и облик святогорского монаха в современном сложном мире

В детстве мне нравилось смотреть на византийские иконы, читать изречения на свитках в руках святых и заучивать их наизусть. Особенно притягивали меня иконы преподобных. Вот самое яркое из изречений, которое мне запомнилось: «Истинный монах — тот, у кого в настоящей жизни нет ничего, кроме Христа». Мне кажется, если бы нас попросили в нескольких словах обрисовать облик добродетельного и святого монаха, лучше этого изречения мы бы не нашли. И действительно, у истинного монаха, а тем более у святогорца, ничего нет в этом мире. Монах — один из *неузнанных, но познаваемых*, один из *ничего не имеющих, но обладающих всем* (см. 2 Кор. 6, 9–10). Он сопричастен тем, «у которых нет иного наследия, кроме Христа Иисуса, а это — неразрушимое и вечное благо»¹.

Отрекаясь от мира и вступая в монашескую жизнь, монах навсегда оставляет позади родину, мир, родителей, родственников и друзей, может быть даже богатство, карьеру, славу и в целом мирскую жизнь. Он оставляет самого себя, «ветхого человека», грешника и гордеца, чтобы начать покаянную жизнь в безмолвии, молчании и неизвестности. Он стремится жить с крепкой верой, в чистоте, непорочности и благочестии. Жить смиренно и просто, пребывать в сокрушении и покаянном настроении духа, отсекаать собственную волю, оказывать абсолютное послушание и всецело отречься от себя. Он стремится жить в воздержании, в уединении с одним лишь Богом.

В Отечнике рассказывается, как однажды преподобный Макарий Египетский пришел к нитрийским монахам, которые попросили его сказать им слово на пользу души. «Я еще не стал монахом, — ответил им знаменитый подвижник, — но Бог удостоил меня видеть настоящих монахов и беседовать с ними». И он рассказал о своей встрече с двумя совершенно нагими отшельниками, которые прожили целых сорок лет в

¹ Ктиторский устав монастыря святого Варлаама в Метеорах.

непроходимой пустыне и не видели за это время лица человеческого. Он попросил их научить его, как стать настоящим монахом. Они ответили:

— Оборви всякую связь с миром, и ты этого достигнешь.

— Но я человек немощный и не могу поступить, как вы, — возразил Великий Макарий.

— Тогда пребывай в своей келье и оплакивай собственные грехи, — отвечали отшельники.

Уединение, заметил авва Макарий, придавало их манере говорить оттенок резкости, но лица их были дружелюбны и светились святостью.

— Как выносите вы зной и холод? — задал авва отшельникам еще один вопрос. Он был глубоко изумлен тем, что они совершенно наги.

— Бог, — сказали они, — промысляющий о всех Своих творениях, даровал нам эту способность по снисхождению Своему. Мы ни зимой не мерзнем, ни летом не страдаем от жары.

Тогда авва Макарий заметил, что тело их защищено длинными волосами, наподобие овечьей шкуры. Он оплакал самого себя и сказал: «У меня есть и келья, и немного сухарей, и содружество стольких братьев, но я не стал еще монахом».

Скорбь Великого аввы можем разделить и мы, и еще в большей степени, но все же мы славим благого Бога за то, что Он удостоил нас узнать настоящих монахов, кротких и благоговейных, смиренных и простых, просвещенных и благодатных. Первенство среди них отдадим ныне пребывающим во святых Порфирию Кавсокаливиту и Паисию Святогорцу, но помимо них упомянем и о еще не канонизированных отце Ефреме Катунакском, иеромонахе Дионисии из Колитцу и многих других, менее известных. Это люди имеют образ и облик монашеский, как говорим мы на Святой Горе. Люди, из души которых изливается сокрушение и благоговение. Это воистину небесные человеки и земные ангелы, «свет всем людям»² и «светильники, блистающие по всей земле»³. Их сердце занимал только Христос, ставший для них самым ценным приобретением и сокровищем.

Прежде чем приступить к описанию образа и облика монахов, стяжавших освящение, чему и посвящен наш доклад, нам хочется отметить, что на Святой Горе много такого, что не увидишь обыкновенными телесными очами. Гору Афон Сама Пресвятая Богородица, обращаясь к преподобному Петру Афонскому, назвала прекраснейшей и величайшей и предрекла, что она будет наименована святой. Эти слова дошли до наших дней благодаря святителю Григорию Паламе.

² Лествица прп. Иоанна Синайского.

³ Иоанн Златоуст. Беседа 72 на Евангелие от Матфея.

Многочисленные паломники и посетители Афона восхищаются исключительной красотой афонской природы, тенистыми лесами полуострова, его прохладными потоками, прозрачно-голубым Эгейским морем, омывающим берега Святой Горы, уединенными тропинками, труднодостижимой горной вершиной, трелями птиц и благоухающими цветами. Приехав на Святую Гору, паломники могут увидеть двадцать главных монастырей этого благословенного полуострова, двенадцать скитов и около шестисот келий и аскетириев. Увидеть, как монахи «всякого рода и племени» работают не покладая рук, несут послушания, принимают гостей и служат Живому Богу *с благоговением и страхом* (Евр. 12, 28). Не исключено, что наши паломники увидят и человеческие страсти и немощи, обнаружат ошибки и недостатки. В любом случае они увидят то, что на поверхности, и найдут то, чего ищут. Как говорят святогорцы, что хочешь, то и получишь.

Но те, у кого открыты духовные очи, кто имеет духовное чувство и «ум Христов», увидят Святую Гору с другой, таинственной стороны. Их взорам предстанет Гора, где творится непрестанная молитва, постоянно источаются слезы, всегда слышатся стенания, где царит радостопечаль и ведется невидимая брань с миродержителем, брань с самим собой, потому что наше «я» нас, монахов, борет гораздо сильнее и борьба наша не в пример опаснее, чем у тех, кто спасается в миру. И если наши посетители духовно преуспели, они увидят монахов, исполненных Божественной благодати и даров, монахов, для которых Христос стал приобретением, и этого приобретения уже никак у них не отнять.

Позволю себе сделать примечание. Верно сказано, что Святая Гора — кузница святости. Но это, конечно, не означает, что живущие на ней автоматически добродетельны и святые. Налицо и человеческие страсти, и немощи, и падения. Можно столкнуться с такими ошибками, которые даже соблазняют паломников. К несчастью, искуситель побеждает нас. *Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Петр. 5, 8), — призывает апостол Петр, но не все слышат его глас. Себялюбие и уныние влекут за собой духовную глухоту. И всё же в большинстве своем монахи подвизаются жить *во Христе* и *ради Христа*. Они подвизаются «изгнать врага из своего сердца и ввести Христа», по словам святителя Иоанна Златоуста. Подвизаются жить согласно со святыми заповедями, внутри которых сокрыт Сам Христос. Подвизаются всегда строго и точно хранить обеты, данные при пострижении в ангельский образ. Одни устремляются вперед и побеждают, другие остаются сзади. Одни меняются к лучшему, другие становятся еще хуже, чем были до вступления на поприще брани. Душа человеческая — тайна, и еще бóльшая тайна — святость.

После всех этих обличений впору спросить: в конце концов, есть ли святые на Афоне? И мы ответим: «Конечно, есть». Некоторые знамениты, гораздо больше — неведомых миру. Святых немного, потому что духовный кризис, затронувший мир, ударил, к несчастью, и по монашеству Святой Горы. Обмирщение, как известно, оказалось великим искушением для Церкви в целом, провокационным вызовом для верующих. Не обошло это искушение и удел Пресвятой Богородицы.

Как правило, молодые люди, приходящие на Святую Гору стать монахами, рождены в неверующих семьях, их родители не отличаются ни высокой духовностью, ни любовью к монашеству. Сегодняшние юноши — это дети бездуховного потребительского общества, «дети компьютера» и, если мне будет позволено так выразиться, «дети кока-колы». Они рождены постхристианским миром, обществом, которое лишь позиционирует себя как православное. Конечно, не всё так безнадежно, потому что *малое Христово стадо* всегда сохраняется. Тем не менее, из того, что предстает нашим очам, можно сделать вывод, что мы движемся к концу времен. В Писании сказано: *В последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, недружелюбны, клеветники, невоздержны, не любящие добра, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрешившиеся* (2 Тим. 2, 1–4).

И все-таки христиане не прекращают стремиться к святости, и те, кто решается на это, могут стать святыми или «почти святыми», если припомнить название прекрасной книги епископа Тихона (Шевкунова), наместника Сретенского монастыря. (На греческий язык название знаменитой книги владыки Тихона «Несвятые святые» было передано как «Почти святые». — *Примечание переводчика.*)

И сегодня много «почти святых» живет на «святоименном Афоне, в умопостигаемом и прекрасном раю Богородицы»⁴. Святую Гору уже более тысячелетия населяют греки, русские, сербы, румыны, болгары и монахи из других стран. Они живут как одна православная семья; их можно уподобить саду, который орошается кристальными водами подлинной православной духовности и истинного монашеского предания.

Эти монахи — бесценные святые Святой Горы, ее драгоценные и бережно хранимые сокровища. Их жизнь не только впечатляет посетителей из многомятежного мира, но и приносит им пользу. Такие монахи — это «молчаливые проповедники», как сказал непревзойденный в слове святитель Григорий Богослов.

Я спросил одного из них — а он был уже в годах:

⁴ Из службы святогорским отцам.

— Старче, что ты постиг, проведя столько лет на Святой Горе? В чем смысл монашеской жизни?

— В смиренномудрии, отец, — отвечал он.

В другой раз он мне сказал: «Если монах ревностно подвизается в юности, тогда его старость — это священнодействие». Этим старцем был бывший игумен Евдоким, настоятель монастырей Ксенофонт и Дохиар. Другого старца я, будучи еще новоначальным монахом, спросил, на что мне больше всего надо обращать внимание. Он отрезал: «На всё!» И это «всё» говорит обо всем. У настоящего монаха должно быть всё, то есть все добродетели. Он должен непрерывно подвизаться и понуждать себя, чтобы сделать монахом своего внутреннего человека. Он стремится отвергнуть страсти или, лучше сказать, преобразить и освятить их, как говорят отцы, и на их место водрузить добродетели. Конечно, все это при помощи Божией благодати. Истинный монах знает, что «Бога ничто так не радует, как добродетельное жительство»⁵, поэтому больше, чем разъяренных зверей, он боится греха, огорчающего Бога и отлучающего нас от Него.

Самый страшный грех для монаха — это гордость. Монах знает, что *Господь гордым противится, смиренным же дает благодать* (Иак. 4, 6), и потому подвизается в том, чтобы непрестанно смиряться, отсекая свою волю и быть послушным во всем. Старец Ефрем Катунакский говорил: «Даже богословом становишься не от молитвы, а от послушания». Послушанием монах приобретает свободу во Христе, а смирением — Божественную благодать. Благодать и внешне, и внутренне его умягчает, он становится кротким, молчаливым, серьезным, благоговейным. Его манеры приятны, а поведение рассудительно. Он приобретает простоту и незлобие, терпение и внутренний мир. «Нет ничего приятнее и любезнее покорности, кротости и послушания. Такой человек угоден всем»⁶.

Вспомним и слова автора «Лестницы», преподобного Иоанна Синайского: «Добрый и благоустроенный нрав приобретается многими трудами и потами»⁷. Итак, «добрый и благоустроенный нрав» — это плод многолетнего подвига, плод смирения, послушания, терпения в скорбях, мужества в испытаниях, благодушного перенесения оскорблений со стороны ближних. И конечно же, этот плод могут стяжать все монахи, где бы они ни жили, лишь бы они усердно, ревностно и неуклонно несли свои монашеские подвиги. Но на Святой Горе плод подвижнических трудов несколько иной, и тот, кто вкусил его, обрел и особенную благодать. Святая Гора — это удел Пресвятой Богородицы, а Сама Она — Мать,

⁵ Святитель Иоанн Златоуст.

⁶ Иоанн Златоуст. Беседа 4 на послание к Титу.

⁷ Лестница. Степень 3. О странничестве.

Игуменья, Наставница, Питательница и Целительница монахов. О Своем попечении о святогорцах Пресвятая Дева так говорила преподобному Петру Афонскому: «Вместе с подвижниками, которые поселились в Моем уделе и желают воевать с общим врагом всех людей, дьяволом, буду и Я первой воевать всю их жизнь. Буду для них непобедимой помощницей. Буду учить их тому, что им нужно делать, и объяснять, чего делать не нужно. Буду их покровителем и врачом. И, заботясь о том, чтобы прокормить и уврачевать Своих монахов, Я укреплю и их душу и не лишу ее блага и добродетели. Вот чем хочу помогать Я им при их жизни, а по смерти Я представлю перед Сыном и Богом Моим тех, которые в боголюбии и покаянии окончили свою жизнь на этой горе, и буду просить у Сына Моего полного отпущения их грехов».

Вот почему святогорцы особенно любят Матерь Божию! Вот почему они, по выражению Никодима Святогорца, чтут Ее как Бога после Бога и на Нее возлагают все надежды своего спасения! Вот почему они стяжали, как мы упоминали раньше, особенную благодать. Это чада Пресвятой Богородицы. Ради Нее они оставили мир и все, что в мире, и пришли на Святую Гору, куда Пречистая Дева воспретила вход не только женщинам, но и безбожию, теплохладности и духовному измельчанию этого мира. Конечно, Пресвятая Богородица обходит всю землю, но да будет мне позволено сказать, что Ее присутствие на Афоне ощущается гораздо сильнее. Архимандрит Эмилиан, человек святой жизни, игумен монастыря Симонопетра, в своем слове на игуменское поставление говорил, что на Метеорах они особо почитали Богородицу, но чувствовали, что им не хватает Ее присутствия, и в том числе по этой причине оставили Метеоры и вместе со своим избранным братством прибыли на Святую Гору, в особый удел Богородицы.

Пречистая Богородица, как поется в Акафисте, — «мосте, преводяй сущих от земли на небо». Ее почитают и перед Ней склоняются все без исключения, и даже самые нерадивые из монахов молятся Ей от всей души. Без Богородицы «никто бы не спасся», как говорит в слове на Ее Успение святитель Герман Константинопольский. Без Богородицы Слово не стало бы плотью. Без Богородицы мы не познали бы таинства Пресвятой Троицы. Без Богородицы у нас не было бы ни Церкви, ни Таинств, ни чудес, ни святых. Святых мощей — и тех не было бы. Без Богородицы мы не знали бы Богочеловека Христа, Его учения, крестной Жертвы, Воскресения, а что самое главное — у нас не было бы Тела и Крови Его, которые мы принимаем «во оставление грехов и жизнь вечную» и которые Пресвятая Дева дала от Своих кровей «Всехитрецу Слову». Не было бы у нас и Иного Утешителя, Всесвятого Духа, стяжание

Которого, по учению великого преподобного отца, Серафима Саровского, — это цель нашей жизни.

Пусть мы, святогорцы, и недостойны, но сколько благословений и благодеяний нам даровал Святой Бог и какую благодарность к Нему мы должны чувствовать! Вместо матери нам — Сама Госпожа Богородица, и вместо жилища — Ее земной рай. Сколько благословений и благодеяний даровал Бог и мирянам! У них есть возможность навещать этот рай, из которого они могут, если только их сердце благорасположено ко всему духовному, возвращаться обновленными, преображенными и получать пользу не только от слов монахов и их безыскусного образа и облика, но даже и от самого их молчания.

Иерофей, митрополит Навпактский, в своей книге «Одна ночь в пустыне Святой Горы» пишет: «Святая Гора — таинственное место, где так выразительно говорит молчание, то есть сама вечность, потому что молчание, по словам святого Исаака Сирина, — это язык будущего века».

Здесь уместно сказать о различии между образом и обликом. Внутренний образ — это то, как человек живет, ежеминутно действует, его отличительные черты, внутреннее содержание. Внешний облик — это то, как он себя выражает наружно, его внешность, черты лица, отображение его духовного состояния и душевного расположения в словах и во всем поведении. Здесь требуется особенное внимание и рассуждение. Можно видеть монахов подвижнического духа, «нрава доброго и благоустроенного», но внешне суровых и резких. Это расхождение объясняется или изнурительным подвигом и напряженной бранью подвижников, или складом их характера. Часто Сам Бог попускает праведникам иметь какие-либо недостатки характера ради большего смирения. Вспомним историю из Отечника, с которой мы начали наш доклад. Преподобный Макарий Египетский говорил о двух встреченных им подвижниках, что хотя лица их были дружелюбны и излучали свет преподобничества, но их манера говорить стала несколько резкой из-за того, что они долгое время пробыли в уединении.

И еще одно замечание. Внутренний образ может быть как правдивым, так и лживым. Внешний облик тоже может оказаться как истинным, так и лицемерным. Но монах-святогорец никогда не может позволить себе отречься от образа и облика, отображающих истину Христову. Святогорец не строит из себя святого и не стремится быть ни лицемером, ни чересчур набожным пиетистом. Он отказывается играть какую-либо роль и маскировать свои недостатки. Он хочет быть самим собой, пусть даже это ему дорого обойдется или кого-то соблазнит. Он не прячет своих изъянов и проявляет совершенное равнодушие к тому,

заметна или нет нищета его души. Он всегда благороден, правдив и прост в поведении и отношениях с ближними.

Архимандрит Афанасий, ныне почивший настоятель монастыря Григориат, говорил, что монашеская жизнь есть величайший дар Божий человеку. Благодарение Богу, что возможность стяжать этот дар подается и сегодня, и в наше время, и в этом мире, как говорится в одной замечательной книге святогорского издания, цитату из которой я хотел бы вам прочесть:

...в мире безутешном, пустынном, потерявшем надежду. В мире, где раздутое самолюбие и гордыня угнетают и держат в оковах души человеческие, где люди, отказываясь от самоотречения, вместо свободы, претерпевают еще более несносные муки и попадают в жестокий плен. В мире, который колеблется в вере из-за демонических идей глобализации и экуменизма. В таком мире и для такого мира монашество может явиться настоящей твердыней, прибежищем и источником надежды. Пока монашество стоит вдали от мира сего и пребывает непричастным мирскому духу, пока слышится из пустыни немолчное Христово благовестие, монашество представляет самое высокое духовное жительство во всей Церкви. Монашество — это утверждение Церкви на все века. Оно, как известно, строго хранит целостность догматического и нравственного учения Церкви, полагая мерилом Евангелие и всегда дерзновенно проповедуя его словом и делом.

Доколе просветленные глаза монахов будут исполнены слез, мир может уповать на долготерпение и милость Божию. Доколе человеколюбие Божие будет испытывать монахов в печи искушений, доколе памятование о смерти будет непрестанно снедать сердца монахов и пронзать их помышлениями покаяния, доколе мир может не сомневаться, что щедролюбивый Господь подаст ему стремление к обращению. Доколе сердца монахов будут уязвляться божественной любовью, доколе мир может надеяться, что Господь наш Иисус Христос исцелит его сердечное ожесточение и нечувствие. Доколе благословенные руки монахов будут беспрестанно перебирать узелки четок и с сердечными воздыханиями воссылать пламенные мольбы «о всяком создании», мир может верить, что благоутробный Бог помилует его. И доколе монахи будут постоянно молиться «о мире всего мира», мир может уповать, что податель мира Утешитель, Дух истины дарует миру мир, божественное просвещение и терпение в скорбях и испытаниях настоящей жизни.

В заключение я хочу поблагодарить пригласившего нас участвовать на этом собрании, всечестного владыку Кирилла, митрополита Екатеринбургского, а также всех присутствующих здесь.